

Сегодня - 1986 - 12 Окт - с. 10

Черные дыры. Кабирия

Паппи Корсикато, итальянский Альмодовар

Перверсия

Едва только Паппи Корсикато (родился в 60-м в Неаполе, обучался танцу и хореографии в Нью-Йорке) снял — в 93-м — дебютный фильм «Либерта», как его тут же окрестили итальянским Альмодоваром. Не надо считать, будто заклеили — как эпигона. Напротив. Педро Альмодовар (во всяком случае, для 93-го) — фигура сверхавторитетная, итальянское же кино в такой пропасти, будто никогда и не было никаких Антониони, Висконти, Феллини, Пазолини и Бертолуччи: если идешь на современный фильм из Италии, можешь быть заранее уверен, что это не просто средненькое, но еще и абсолютно дилетантское кино. Раз там появился свой Альмодовар, значит, не все потеряно. Первый — за долгие годы — модный киноперсонаж с Апеннинского полуострова.

Если хотя бы на миг (как мы сейчас и делаем) забыть о Голливуде, а вместе с ним и о среднестатистическом европейском кино (социально-актуальные драмы и пр.), и говорить лишь о кинематографе артистическом, о так называемом art-house, то в нем отчетливы два направления. Первое (см. текст о Бартабасе) — кино наркотическое, новорелигиозное: Ларс фон Триер, Хулио Медель и др. Второе — кино стесное, синефильское, ищущее стимулы в истории жанров, зачастую нижепоясное. Нечто более нижепоясное, нежели фильм Корсикато «Черные дыры» (его фильм № 2) и вообразить трудно. Чем бы вас еще поддеть, думает Паппи, чтобы вы сразу поняли, что это *другое кино, анти-кино* (кто еще начнет фильм крупным планом струи, мощно разбивающейся о края писсуара)? И вместе с тем да: это действительно напоминает об Альмодоваре. На такое нагромождение — изысканнейшей ахинеи, кича — отоживался прежде лишь дон Педро.

Порочный крашеный юноша-блондин порывает со своим брюнетом-любовником. Тот со слезами умоляет его пожалеть и затем, отвергнутый, возвращается за свадебный стол: оказывается, брюнет женится, причем на слепой невесте — со страшными рубцами вместо глаз! (Если это и символ — типа «девушка-де не ведает, во что влипла», — то одновременно и издевка над приверженностью кинематографа к символам. Любим и вообще.) Блондин возвращается в родной город и заводит роман с местной проституткой. Та верховодит целой группой — несчастных (разумеется) и всяко-увечных девушек: все — дурнушки, одна к тому же немая, другая — без кистей рук и т. д. Клиентов обслуживают в кустах на обочине, и среди клиентов (первое «ау» к Феллини) периодически встречаются воры: завел в кусты, сумочку хватить и бежать. Порочный блондин, правда, не вор — он просто бросает влюбленную в него проститутку. Потом ситуация осложняется еще сильнее. Потом еще.

Конечно, это издевка над всевозможными народными кинороманами и кинокомедиями. Корсикато играет по всем правилам, доводя их до полнейшего абсурда. Все любовные сцены («сэкс», как у нас выражались прежде) — заурядны, непристойны и смешны. Герои — полные придурки. Их страсти, помыс-

лы, восторженные надежды, каким-то вроде как предлагается сопереживать, абсолютно идиотичны. Про некорректность отрубленных кистей и пр. я уже говорил. Но это не я гад и циник — это вы (прочие режиссеры) гады и циники, как бы утверждает Корсикато. Когда бьете в своих народных комедиях на жалость. Когда как бы сочувствуете. Когда маните светом в конце тоннеля — а на самом деле врете. Конечно, к Альмодовару Корсикато привязали не вполне обдуманно: только лишь потому, что Альмодовар — наиболее заметный из арт-режиссеров, кто сознательно погрузился в пучину самой разгишпанской мелодрамы и крутого кича. Но Альмодовар-то редко трогателен. У него все условно, пародийно, да вдруг и всерьез. Он — любит своих героев и верит в возможность выхода. Пусть псевдвыхода. Корсикато же (вслед за Альмодоваром усматривающий реальные драмы и трагедии в убогом и примитивном) ни во что хорошее не верит — разве что в иронию без границ, каковая хороша уже тем, что создает настроение.

Однако же про нагромождение ахинеи у Корсикато сказано далеко не все. «Черные дыры» ставят своего рода кинорекорд: они смешивают все и издеваются над всем (я не говорю, что это хорошо, я лишь констатирую: *такой фильм есть*).

У героини-проститутки фобия: боится кур. Между тем по ТВ постоянно демонстрируют диспуты на космогонические темы с вечным вопросом, что первичнее, яйцо или курица. По ТВ же беспрестанно крутят стародавние (вероятно, стилизованные самим Корсикато) ужасники про космос, пришельцев и всякие кошмарные трансформации, которые, под влиянием звездных монстров, происходят с рядовыми людьми (включать другое кино внутрь своих фильмов и тем добиваться особых смыслов — расхожий прием режиссеров-синефилов). И вот, когда жизнь у Кабирии из «Черных дыр» становится совсем уже беспросветной, и надо бы, по всем законам жанра, ввести в сюжет что-то доброе, дабы Кабирия улынулась и публике в зале стало легче сморкаться, Корсикато являет бога из машины. Кабирия вдруг падает в обморок, поднявшись, слышит голос с небес и видит — гигантское яйцо, привалившее из космоса. Ужас в квадрате: во-первых, яйцо (от страшной курицы), во-вторых, из враждебного извне. Нечто громогласный и впрямь говорит, что она, Кабирия, теперь трансформируется. Но именно поэтому сбудутся все мечты. И правда: у безрукой отрастают кисти, немая начинает говорить и пр.

Издевка над (загибаем пальцы): лицемерием политической корректности, тупостью проповедников и прорицателей, условностями жанра мелодрамы, чужью ужасников, над верой в лучшее, над верой в бога из машины, над улыбкой Кабирии, лично над Федерико Феллини и даже лично (хотя и нечаянно) над новым гением Ларсом фон Триером, чья «Ломающая волны» тоже завершается явлением Господа.

Что именно циник Корсикато считает всепоглощающими черными дырами, можно трактовать долго и упорно.